

Любовь Андреева- Дельмас

ДАЛИ
ИСКУССТВА

Любовь Александровна Андреева-Дельмас впервые явилась поэту «влекущей колдуньей», огненной и таинственной оперной Кармен, вызвав в его сердце новые мощные и ликующие ритмы. Все нарастая, эти ритмы вылились наконец в стихи замечательного цикла «Кармен», созданного Александром Блоком на одном дыхании в марте 1914 года.

«...И наступило новое; и меня бросило тогда — в бурю музыки», — писал поэт актрисе. Они познакомились... Неожиданно сквозь «одичалую прелесть» и музыкальное буйство театральной Кармен проступили иные черты: взгляд, «полный долгого прива-та», старинные верность и женственность.

Начались нескончаемые прогулки по Петербургу, «и улицы, и темная Нева, и Ваши духи, и Вы, и Вы, и Вы!». Ее концерты, опять ее незабываемая Кармен, совместное выступление в зале Тенишевского училища.

И вдруг все, казалось бы, окончилось чувством страшной потери, сознанием полной невозможности отдалиться простому человеческому счастью в «страшном мире». «Я не знаю, как это случилось, что я нашел Вас, не знаю и того, за что теряю Вас, но так надо... Надо, чтобы я испытывал сейчас то, что не испытывал никогда, — точно с Вами я теряю последнее земное».

В августе 1921 года, после смерти Блока, Любови Александровне Андреевой-Дельмас вернули ее письма к нему; таково было предсмертное желание поэта.

Любови Александровне посвящены многие стихотворения, вошедшие в разные циклы и книги поэта — «Кармен», «Арфы и скрипки», «Седое утро». И в поэме «Соловиный сад» нашли отражение чувства, волновавшие тогда Блока. Ей адресованы многие письма поэта, он дарил ей свои книги. У Блока и Любови Александровны была общая записная книжка: актриса приезжала в любимое Блоком подмосковное Шахматово в 1915 и 1916 годы. Ей посвящены многочисленные записки в дневниках и записных книжках поэта.

Кто же она? Мы уже ничего не узнаем об Андреевой-Дельмас из ее писем к нему; Любовь Александровна сожгла их незадолго до смерти.

По дневниковым заметкам, письмам Блока мы слышим лишь отголоски ее слов: «Я сжег некоторые записки, которые не любил, когда получал; но сколько осталось. И какие пленительные есть слова и фразы среди груды вздора».

«Все, что Вы говорите, — всегда не так, Вы не умеете выражать себя. И вовсе не всем надо выражать себя словами, Вы без слов в сотню раз подлинней и лучше, чем в словах».

И ведь в стихах Блока об Андреевой-Дельмас почти нет слов героини. Есть огневой стан Кармен, звенящий смех, розы, сияющие глаза и зубы, нежность плеч, есть ленты, колосья, вербы, «руки, мгновенно овладевающие всякой вещью», и глазное — музыка, музыка:

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе...

«Слов от нее почти не останется» — Блок прав, Кармен — это «буря музыки» и в жизни, и в стихах поэта.

Прекрасно сознавая и даже подчеркивая, что они люди совершенно разные по мироощущению (Л. А. Андреева-Дельмас: «...Мрачное и тяжелое мне было непонятно. Я любила радость жизни»), Блок чувствовал и глубинное родство — родство двух художников, из которого надеялся извлечь «что-то новое для искусства».

Несмотря на все различие и как будто несопоставимость их миров, Андреева-Дельмас воплощала для Блока начало, необходимое ему как поэту, обреченному на борьбу, тревогу и труд.

В ней, легкой, жизнелюбивой, открылась возможность счастья: «Была ты всех ярче, верней и прелестней...».

Любовь Александровна встретила с Блоком в молодости, ей было тогда двадцать семь лет. Дельмас — фамилия матери — артистический псевдоним Любови Александровны. Ее девичья фамилия — Тищинская.

Совсем юной вступила Любовь Тищинская в самостоятельную жизнь. Она только что окончила гимназию в родном Чернигове, когда внезапно скончался ее отец — Александр Амфианович Тищинский, видный общественный деятель. С благословения матери девушка, страстно мечтавшая о театре, уезжает учиться пению. Любовь к музыке зародилась в раннем детстве, выросла из общего духа семьи: «Мы росли вольно, в атмосфере дружелюбия, товарищества, в атмосфере передовых, прогрессивных идей, пропагандистом которых являлся отец. Музыкальным развитием детей занималась мать, Зелина Францевна. Первые уроки пения, игры на фортепиано дети получили от нее. Она же прививала нам хороший вкус к музыкальным произведениям и исполнению их, серьезное и требовательное отношение к музыке вообще», — сообщает в неопубликованных мемуарах Евдокия Александровна, младшая сестра актрисы. Все дети Тищинских (а Люба была седьмой в семье) обладали прекрасными голосами: у старшей сестры — колоратурное сопрано, у братьев — баритоны, у средней сестры и Любы (как и у матери) — низкие голоса: меццо-сопрано.

В 1900 году, блестяще выдержав конкурс, она поступает на вокальное отделение Петербургской консерватории, в класс профессора Н. А. Ирецкой. Настоячивость и трудолюбие помогли ей быстро выдвинуться в число лучших учениц. Первой самостоятельной партией еще в стенах консерватории стала партия Ольги в «Евгении Онегине».

Затем наступили годы учебы у лучших оперных певиц: класс М. А. Славиной, давший прекрасную технику пения и дикцию; наконец — заграничное турне 1911—1912 годов с Шаляпиным (Дельмас пела партию Мнишек в «Борисе Годунове»), явившееся огромной школой певческого мастерства.

Актрису отличали редкое обаяние, творческая свобода, бьющая через край жизнерадостность, уверенность в своих силах: «Я чувствовала всегда крылья, хорошее настроение не покидало меня и окрыляло».

Л. А. ДЕЛЬМАС в роли Кармен. 1911 г.

Дельмас солировала во многих партиях: Маддалены («Риголетто»), Полины и Графини («Пиковая дама»), Лея и Весны («Снегурочка»), феи («Парсифаль»), Любаши («Царская невеста»)... Высшим творческим достижением певицы стала партия Кармен.

С детства волновало ее все романтическое. Яркой картиной вставала в памяти ночная Десна с привольными песчаными берегами на окраине Чернигова. Здесь часто осанавливался цыганский табор. Пылали костры, множились в черных речных водах, и, сливаясь с их пламенем, взвивались к звездному небу под пение и повист лихие танцоры.

Образ вольной цыганки, прекрасной своим бурным природным естеством, волновал, требовал воплощения. Мечталось о своем, неповторимом. В поиске помогла встреча с известной испанской певицей Марией Гай, поразившей русскую столицу буйным южным темпераментом.

Роль формировалась и оттачивалась год за годом, в творческом воображении рисовался «тип яростной, вольной цыганки».

Путь, которым шел поиск актрисы, помогают проследить те старинные потемневшие снимки, что бережно хранятся вместе с другими реликвиями в последней квартире Андреевой Дельмас в Ленинграде ее сестрой, Евдокией Александровной и племянницей И. А. Фацевской. На них запечатлена Кармен 1910—1913 годов.

Пышные испанские наряды, замысловатые прически, громадные веера, резкий грим, подчеркнута театральные позы сменяются постепенно безыскусными костюмами, свободой и простотой движений. Явственно ощущимы внутренняя неудовлетворенность достигнутым, постоянное, неодолимое стремление к музыкальной правде, воплощенное на сцене Музыкальной Драммы в 1914 году. Вот относящийся к этому времени большой портрет у роля — медные волосы, гордо вскинутая голова, «всех линий таяние и пенье».

Музыкальная Драма явилась для Андреевой Дельмас тем театром, которому она «могла отдавать все существо, забыв все на свете». Приглашение туда она получила весной 1913 года. Театр кипел молодым задором и энтузиазмом. Одной из главных задач его основателя режиссера И. М. Лапичко стало перенесение метода Станиславского на оперную сцену. Яркие и незабываемые спектакли Музыкальной Драммы вызвали бурные

дебаты на страницах театральных газет и журналов тех лет.

Любовь Александровна пришла в театр на второй сезон его работы (Музыкальная Драма открылась 11 декабря 1912 года и просуществовала до слияния его с оперой Народного Дома в 1919 году).

Первый спектакль с ее участием стал событием в жизни Блока, постоянного зрителя этого театра.

«Создать ощущение поэзии», — отметил певца в клавире оперы, Зрелище действительно поражающе поэтичностью, неумным темпераментом и гармонией.

Музыка Жоржа Бизе захватывала сразу, с увертюры, налетая, как буря. Захватывало ее праздничное звучание, ликующие фанфары победного марша, блестящие краски, Увертюра говорила о буйном и сильном цветении жизни. И сердце неожиданно замирало оттого, что где-то в глубинах этой ликующей гаммы вдруг рождалась прекрасная и скорбная мелодия главной героини, внезапно оборванная, как обрывается живое биение сердца.

Кармен появлялась незаметно, была одета, как и другие девушки, в темно-малиновую юбку, оранжевую блузу, черный фартук; на голове — красная косынка. Выделялась лишь дерзостью движений, отважной красотой.

Она жила на сцене своей постижимой жизнью, воровала, колдовала, обольщала.

Вешний трепет, и лепет, и шельст, Непробудные, дикие сны, И твоя одичалая прелесть — Как гитара, как бубен весны!

«Волпощенная музыка», — скажет Блок.

...Любовь Александровна перешла поэта на полвека. После слияния Музыкальной Драммы с Народным Домом она до 1922 года пела в организованном на их основе Государственном Большом оперном театре, много гастролировала по стране — в Сибири, на Урале, в Башкирии. В Минусинском оперном театре Андреева-Дельмас впервые выступила в качестве режиссера, поставив оперы «Пиковая дама» и «Черевички». В 1930 году принимала участие в гастролях артистов Большого театра.

В 1933 году Любовь Александровна оставила сцену и заняла педагогическую деятельность. Сначала преподавала в Музыкальном училище при Ленинградской консерватории, а затем и в самой консерватории, где в 1938 году ей было присвоено звание доцента.

В годы Великой Отечественной войны Любовь Александровна вместе с мужем, знаменитым оперным певцом П. З. Андреевым, отдавшим три десятилетия Марийскому театру, жила в Ленинграде, так же, как и он, выезжала с концертными бригадами на фронт, выступала перед бойцами. О страшных блокадных годах она написала позднее воспоминания...

Последние годы жизни Любовь Александровна занималась разбором и систематизацией обширного семейного архива.

Андреевой Дельмас не стало в апреле 1969 года. Вместе с ней умерло, казалось бы, последнее живое воспоминание о ее Кармен, но вот вы ходите в дом на тихой ленинградской улице у реки Пряжки, в высокие комнаты, заставленные старинной мебелью, еще и еще раз всматриваетесь в поклеенные от времени фотографии на стене, перебираете драгоценнейшие листки, — написанные четким почерком Блока, — и на ваших глазах совершается чудо: к вам приходит его Кармен:

Как день светла, но непонятна,
Вся — явь, но как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней — всегда весна.

Вера ЕМЕЛЬЯНОВА,
Анна СТЮНЕКОВА